

Сделала это по-быстрому

В Большом театре спела Ангела Деноке

Известия - 2006 -
31 янв. - с. 10

Большой театр выступил с самой смелой программой своего концертного сезона, построенной вокруг знаменитой немецкой певицы-интеллектуалки Ангелы Деноке. Кульминацией вечера стал краткий дайджест «Воццека» Альбана Берга — оперы, до полного варианта которой наш зритель никак не может дорасти.

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

«Воцек», написанный передовым музыкальным языком на текст абсолютно депрессивной драмы Георга Бюхнера, — символ веры авангарда 20-х, от которого в свое время не была в стороне и наша страна (в Ленинграде оперу поставили в 1927 году, всего два года спустя после ее берлинской премьеры). Но сейчас ситуация другая: зрители поглупели, директора театров поумнели, музыканты залентяйничали. По крайней мере так считается. Поэтому исполнение нескольких кусочков оперы, ради которых в Москву была приглашена Ангела Деноке, уже можно расценивать как маленькую революцию Большого театра.

Деноке является тем невозможным пока для нас типом примадонны, сделавшей себе имя без участия Верди, Пуччини или какого другого певучего автора. Мейнстрим для нее — Вагнер и Рихард Штраус. Одна из ее

коронных ролей — Катя Кабанова в одноименной опере Леоша Яначека, причем не просто Катя Кабанова, а в гениальной постановке Кристофа Марталера. За эту работу в 1999 году Деноке была названа журналом Opernwelt «певицей года» (стала лауреатом чего-то вроде немецкой «Золотой маски»).

В качестве любящей и глупливой, нежной и грубой, невинной и грешной Мари из берговского «Воццека» Деноке тоже неотразима и необычайно востребована. Впервые она спела эту партию в Зальцбурге в спектакле Петера Штайна под управлением Клаудио Аббадо. Потом на нее ставили эту оперу главный провокатор 90-х Петер Конвичный и главный провокатор 2000-х Каликсто Бьетто.

В ее недолгом (всего одно отделение) выступлении под палочку Александра Ведерникова, конечно, было не до сценических провокаций. Для разминки исполнили редкую концертную арию Берга «Вино». А от

«Воццека» остались всего три небольшие сцены (в первой Мари — депрессивная мать, во второй — кающаяся потаскушка, в третьей — труп, найденный детьми). И Деноке в них выглядела никакой не звездой, а профессиональной носительницей диковинного нововенского стиля и серьезным стимулом для расширения нашим оркестром своих репертуарных горизонтов.

И действительно, горизонт хоть ненамного, но сдвинулся. Первый шаг к 1927 году сделан. «Воцек», которого одной, даже самой распрекрасной, солисткой не вытянешь — нужен еще и понимающий оркестр, okazавшийся самой убедительной частью вечера. А умные эмоции Берга, как выяснилось, вполне показаны аккуратному и загланированно взрывному маэстро Ведерникову. И что совсем удивительно, Берг, которым у нас всегда чуть ли не маленьких детей пугали, прошел гораздо глаже и занимательнее припасенного для второго отделения роскошного, остроумного и, казалось бы, более съедобного «Дон Кихота» Рихарда Штрауса (на виолончели темпераментно солировал Денис Шаповалов). В нем явно не хватало роскоши, остроумия и оркестровой свободы. Видно, стимула не было.